

КРИЗИС КУЛЬТУРЫ КАК УГРОЗА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

З.Н. Сколота
(Россия, Астрахань)

В данной статье автор через анализ взглядов исследователей определяет роль культуры в развитии цивилизации. Социокультурный (духовный) кризис, возникающий в тот или иной исторический период, рассматривается как признак гибели цивилизации.

In this article the author through the analysis of the views of researchers determine the role of culture in the development of civilization. Socio-cultural (spiritual) crisis, arising at a particular historical period is regarded as a sign of the death of civilization, the collapse.

Ключевые слова: цивилизация, кризис, культура, масса, элита, гибель цивилизации, ценности, коллапс.

Key words: civilization, crisis, culture, mass and elite, the death of civilization, values.

Большинство философов рассматривают кризис как тяжелое переходное, но временное состояние культуры, в котором рождается истина и определяется ее дальнейшая судьба. П.С. Гуревич, к примеру, определяет кризис как обязательный и закономерный этап в развитии каждой культуры [1, с. 155]. А. Тойнби в своей работе «Цивилизация перед судом истории» пишет о том, что кризис – это, прежде всего, отступление, переломный момент, где «разворачивается некий целенаправленный процесс, божественный план, по которому знание, полученное через страдание, вызванное крушениями цивилизаций, в результате становится высшим средством прогресса» [9, с. 27].

Однако есть мнения, что культурный кризис не всегда или не обязательно приводит культуру к прогрессу, к новому витку развития. Еще Ф. Ницше отверг идею прогресса в культуре как несостоятельную, отметив при этом, что современный ему европеец по своей ценности глубоко ниже европейца эпохи Возрождения. «Кризис культуры – культурологическое понятие, фиксирующее ситуацию, возникающую в результате разрыва между культурой со всеми ее институтами и структурами и резко изменившимися условиями общественной жизни. На судьбе культуры сказывается столкновение духовно-нравственных идеалов с реальной жизнью. Исекает энергия культур, ценностей, творческий дух покидает культуру, неспособную утолить духовный голод общества» [15, с. 24]. В таком варианте кризис способен вывести из равновесия или даже парализовать культурную динамику, породить феномены, разрушающие внутреннюю целостность Культуры.

Кризис культуры определяется, прежде всего, внутренними причинами и противоречиями: переоценкой нравственных ценностей, деградацией общества, утратой идеологии, ломкой традиций, дезориентацией в культурном пространстве, изменением привычного ритма жизни и т.д.

XX в. начался и закончился мощным ощущением кризиса. Предчувствие фатального движения к концу содержится в работах большинства как западных, так и российских философов. Наибольший вклад в осмысление проблемы кризиса культуры внесли исследователи XX столетия: О. Шпенглер и А. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет и Й. Хейзинга, П.А. Сорокин и Н.А. Бердяев, Г. Гессе и И.А. Ильин, П. Тиллих и Э. Фромм, К. Ясперс и Г. Маркузе и др. Рассматривая различные культуры, все эти философы неодинаково оценивали причины кризиса культуры, его симптоматику, содержание и последствия. Остановим свое внимание на некоторых из философов, говоривших в разное время о кризисе западно-европейской культуры, о духовном кризисе в России и о кризисе современной цивилизации.

Еще в конце XIX в. М. Нордау в своей книге «Вырождение», гнетущее ощущение безысходности, знакомое представителям переходных эпох, характеризовал следующими словами: «Настроение *fin de siecle* (конец света) – это настроение чрезвычайно смутное: в нем есть лихорадочная неутомимость и тупое уныние, безотчетный страх и юмор приговоренного к смерти. Преобладающая его черта – чувство гибели, вымирания. *Fin de siecle* – исповедь и в то же время жалоба. В наше время даже развитые умы испытывают неопределенное опасение надвигающихся сумерек и гибели народов со всей их цивилизацией» [5, с. 24]. Он, исследуя болезнь века, ставит ему прямой диагноз: всеобщее вырождение.

Несомненно, то, что на рубеже XIX–XX в. европейское общество действительно вступило в стадию социокультурного кризиса, самого масштабного и самого затяжного из всех, случившихся когда-либо прежде. Стало вполне очевидным, что цивилизация, которая зародилась на фундаменте ренессансной цивилизации, себя исчерпала. Культура этой цивилизации основывалась на противостоянии человека и природы. «Человек – венец творения» – принцип, заложенный в культуру эпохой Возрождения, сделал высшими ценностями этой цивилизации веру в бесконечный прогресс и возможность получения научных знаний и открытий, веру в неисчерпаемые возможности природы и господство человека над ней, вследствие чего именно эти ценности стали основой общественного развития целой цивилизации. Однако результат такого развития превзошел все ожидания – постоянное наращивание материального богатства на основе обновления техники превратило самого человека из «венца творения» в простое орудие эффективной экономической деятельности. По мысли А. Тойнби [8, с. 285], глубинным источником кризиса культуры является потеря внутренней самодетерминации общества, т.е. утрата значимости идеалов и принципов, играющих роль его духовных оснований. Вследствие потери собственных ориентиров развития возникает потребность общества в инокультурных образцах, ценностях, заимствованных из других культур. Кризис – это потеря способности общества к творчеству, культурная исчерпанность. Основой творческой дегенерации становится культурно-цивилизационная диаспора. Элита, прежде обеспечивавшая производство и сохранение смысловой значимости жизненных ценностей, девальвируется. Ее социальная компактность и сакральность нарушаются массой, интенсивно проникающей в среду и отодвигающей творческую элиту с лидирующих позиций.

Таким образом, в дихотомии масса – элита, определяющим элементом становится масса, с ее низменными потребностями и интересами, что воздействует на культуру самым разрушительным образом [8, с. 108–109]. Результат – интенсивный процесс варваризации и охлократизации культуры, о котором писали Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский, Х. Ортега-и-Гассет, Й. Хейзинга, О. Шпенглер и другие философы. Господство духовного мещанства, в значительной степени связанное с односторонним прогрессом материальной культуры, способствует потере стремления к духовному прогрессу и высоким идеалам.

Й. Хейзинга в своем труде «В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи» отмечая, что западная цивилизация переживает глубочайший культурный кризис, объясняет его понятием «варваризация». Й. Хейзинга констатирует, что человечество, следуя по пути технического прогресса, совсем перестало развиваться внутренне, став «менее дисциплинированным и более возбудимым» [11, с. 246]. Проявлением последнего обстоятельства в общественной жизни стала волна народных революций, охвативших цивилизации европейского континента. Социальная революция, по мнению Г.П. Федотова [13, с. 181], доводит до логического завершения многовековой деструктивный процесс «выветривания национального сознания», что, в свою очередь, способствует кардинальному изменению духовных первооснов общества. Все свои интеллектуально-духовные рассуждения философ строит на мысли о том, что культура – есть основа духовного существования человечества. А первая мировая война и революции активизировали «элементарные» человеческие потребности «Вопрос об оружии и вопрос о хлебе вытеснили сейчас все запросы духа» [12, с. 84–85]. Вследствие этого, культура и духовная жизнь начали стремительно регрессировать.

Русские философы, в отличие от западных мыслителей, причину упадка культуры видели не только в «торжестве» массового человека, но и в разрыве с религиозными истинами или, точнее, с религиозным мировоззрением и его символикой. Искренняя вера в Бога или идейно-духовного лидера сменяется неверием и отчаянием. С.Л. Франк причину кризиса культуры видел в утрате веры в кумиров и крушении идеалов [14, с. 153].

На наш взгляд, так случилось не только с Российской империей, в которой православие из живой веры Святой Руси превратилось в обрядоверие и традиционный ритуал, но и с Советской цивилизацией. Искусственно возникшая на руинах разру-

шенной насильственным путем российской цивилизации, Советская империя, тем не менее, была достаточно жизнестойка, до тех пор, пока «творческое меньшинство» или элита, строившая ее, находилась у власти и была полна сил и идей. Совсем скоро основная ее часть была физически истреблена, оставшаяся же деградировала в «правящий класс» пролетариата. Если еще в 1930–1940-х гг. народ искренне и горячо верил в обожествленных правителей и саму идею «светлого коммунистического будущего», то уже после XX съезда КПСС в 1956 г. эта вера начала слабеть день ото дня.

На этом съезде Н.С. Хрущёв выступил с закрытым докладом «О культе личности и его последствиях», который был посвящён осуждению культа личности И.В. Сталина. В нем была сказана правда о недавнем прошлом страны, с перечислением многочисленных фактов преступлений второй половины 1930-х – начала 1950-х гг., вина за которые возлагалась на вождя народа И.В. Сталина. Несмотря на то, что официально доклад был опубликован только в 1989 г., многие историки все же склонны считать эту дату началом конца советской империи. Поколение людей, рожденных после XX съезда, уже почти равнодушно относилось к «вере отцов и дедов», а демонстрации и пламенные речи и другая партийная атрибутика превратились в обязательно-принудительный ритуал, обусловленный существованием в данном обществе. Без внутреннего стрежня, хоть и атеистической, но веры Советский Союз утрачивает творческую составляющую культуры. А. Тойнби отмечал: «Как только цивилизация утрачивает внутреннюю силу культурного развития, она немедленно начинает впитывать силу чуждой культуры. Культурное влияние оказывается куда более благодатным и полезным, чем заимствования в экономическом или политическом плане» [9, с. 211]. И действительно, с 1970-х гг. XX в. взоры советской молодежи устремлены на запад, модные тенденции в музыке, одежде и танцах в большинстве своем заимствованы из-за рубежа. С началом «перестройки» процесс культурных заимствований с запада становится масштабнее и доступнее, что ускоряет стремительный и необратимый характер коллапса советской империи.

Открытые признаки кризиса и разрушения культуры «подготавливаются» в ходе длительного, «незаметного для глаз», латентного процесса деградации. Многие современники крушения СССР накануне его падения отмечали происходившие сдвиги в человеческом мышлении, указывая на то, что общественное недовольство политической и социальной жизнью, разочарованность идеалами и идеями, привели к изменению образа мыслей народа, а следом за ним и к падению советской цивилизации.

Пережитая эпоха, в представлениях рассмотренных нами философов, предстает пессимистически окрашенной и несовершенной. Однако, ощущение кризиса всегда ретроспективно ориентировано. Наверное, поэтому пережитое всегда кажется человечеству безопаснее, чем реальная данность бытия. Компаративное мышление, основанное на сопоставлении ситуаций, ведет к заключению: прошедшее и не свое – предпочтительнее. Возможно поэтому философы и исследователи конца в XX в. также не могут избавиться от ощущения неотвратимости стремительно приближающейся катастрофы, которая угрожает разрушением не локальных культур и империй, а представляет опасность всему человечеству.

Духовная сфера является главным инструментом, рычагом преобразования окружающего мира в интересах человека, коллектива, общества, необходимой предпосылкой эффективности их деятельности. Иногда ритм культуры сбивается и она впадает в кризис, если культура не находит творческих сил в цивилизации, то она может превратиться в более или менее длительный культурный распад. На наш взгляд, культура является фундаментом цивилизационного образования, а трещина в фундаменте неминуемо скажется на всем здании, поэтому и кризис культуры, скорее всего, приведет к гибели цивилизации. Конструкция цивилизации хрупка и беззащитна, если стоит на прогнившей и редуцировавшей культуре. Однако, как отмечал когда-то А. Тойнби, распад великой культуры никогда не будет полным, разрушится экономика, социальная и политическая сферы общества, не станет народа – носителя этой цивилизации, но отголоски культуры будут жить еще долго в новых цивилизациях, взявших в «развалинах» культуры зерна для новых образований. В XXI столетии многие философы констатируют факт глубочайшего культурного кризиса, новое

«цивилизованное одичание» миновать не удалось. Процессы, рассмотренные нами в концепциях мыслителей начала XX в., продолжают свое разрушительное развитие.

Стремительное возрастание глобализации и интенсификации социально-культурных и политико-экономических процессов задает сверхнапряженный ритм, в котором общество не всегда готово двигаться к поставленным целям. «Прогресс. Так мы называем свое движение к гибели. Теперь все чаще слышишь фразу: прогресс не остановить, он неотвратим. О чем обычно так говорят? О смерти» [3, с. 6]. И действительно, «прогресс» на всех парах врывается в жизнь каждого индивидуума, сметая на своем пути всех, кто не может приспособиться к новым правилам и сценариям игры, всех тех, кто отстал от жизни, не находит в себе силы измениться в соответствии с требованиями времени. А. Тоффлер об ускоряющемся темпе жизни отмечает: «Пройдут три десятилетия, оставшиеся до XXI в., и миллионы обычных, психически нормальных людей внезапно столкнутся с будущим. Граждане самых богатых и технически развитых стран обнаружат, что все труднее идти в ногу с непрерывной потребностью перемен, которая характеризует наше время. Для них будущее наступит слишком быстро» [10 с. 120]. Темп жизни настолько усилился, а процесс омертвления культуры зашел настолько далеко, что вместо потребности в творчестве остался лишь диктат моды и социальности, а вместо новых шедевров культуры ее ремейки. Отголоски религии, наложенные на «научные» познания масс, редуцировали в примитивные первобытные верования: магию, астрологию, суеверия и парапсихологию. «Произошла победа стандарта над шедевром, морали безобидного существования над героизмом, мелочно-корыстного "жильца" над бескорыстным энтузиазмом» [2, с. 80].

Итак, основной причиной всех этих процессов современности большинство аналитиков видит в деградации человеческой личности. С самого начала XX в. многие философы подчеркивали негативные аспекты технонизации и предупреждали, что экономическое развитие, умножая количество вещей, приводит к утрате духовных ценностей. За материальные блага люди могут заплатить свободой и духовностью. Техника может стать самоцелью, а человек – придатком к машине. Эти мрачные предсказания начала XX в. не заставили долго ждать своего воплощения в действительности. Именно увлеченность прогрессом и техногизацией жизни столкнули человечество с угрозой экологического коллапса.

Экологическая ситуация заставила сосредоточить внимание на проблемах выживания, сохранения природных основ бытия, по-новому ставить вопрос о свободе и демократии. На первый взгляд человечество активно занялось решением экопроблемы, созывая различные всемирные конференции, выработывая уставы и конституции по защите окружающей среды, однако корень проблемы остается замеченный только философами. Осознание кризиса личности, человека, мечущегося между знанием и верой, существованием и сущностью, не привело, однако, к возвращению человека к бытию, стабильности, целостности. В.А. Кутырев безрадостно констатирует, что «Отходы хозяйственной деятельности минимизированы, выбросы сокращаются, почву и воду очищают. В то же время усилилось загрязнение, притом "добровольное", непосредственно самого человека – через применение различных пищевых добавок, консервантов, химических, гормональных и биологических препаратов, манипулятивное вмешательство в его телесность и психику. Разрушается мораль, вырождаются образность и искусство, отмирают религиозные чувства. Культурно-антропологический кризис является продолжением, углублением или, можно сказать, сублимацией экологического» [2, с. 38].

Как сказал другой современный мыслитель Н.Н. Моисеев, «Нравственный императив – ключ к императиву экологическому» [4, с. 136]. А он, к сожалению, отсутствует. Общество, утратив свой духовный стержень основной критерий морали, по сути, потеряло целостную систему моральных принципов своего внутреннего мира. Отсутствие равновесия между материальными и духовными ценностями в ориентация общества приводит к дисгармонии и острому духовному кризису. Духовно-культурный компонент по-прежнему игнорируется, а это неоднократно приводило многие общества к упадку.

Сегодня, как и в Римской Империи на ее закате, институт семьи, как таковой, исчезает. С ростом индивидуализации в цивилизационном организме все больше ценятся личные заслуги и потребности. Продолжать род и передавать сокровенные знания и догмы никто не торопится. Для многих цивилизаций в истории человечества, включая и современную, технический прогресс оборачивается биологическим регрессом. Распад семьи или изменение ее традиционного облика (в современном мире – «матери-одиночки», «гражданские» и «гостевые» браки, однополые браки и т.п.), нарушение семейных отношений и связей меняет людское сознание, а следом за ним и облик цивилизации. Так же следует подчеркнуть, что, по свидетельству психологов, семья испокон веков оказывала на человека «лечебное» воздействие, давая положительные эмоции и воспоминания, снимала повышенную агрессивность и склонности к девиантному поведению. Все это лишь усиливает дисбаланс в социальном организме цивилизации. Признаком квазикультурности бытия в современном мире становятся быстро меняющиеся ложные ценности и нарастающий темп жизни. Ускоряющийся ритм всегда порождает неизбежное чувство близкого краха, катастрофы всей социальной субстанции цивилизации.

Глобальные цивилизационные кризисы, переходящие в катастрофы, сопровождают человечество в течение всей его долгой истории. Уже крушение Римской империи воспринималось современниками и, прежде всего, конечно, самими древними римлянами как Конец Света. Точно также воспринималось многими современниками крушение Византии.

Личное сознание, впрочем, как и коллективное бессознательное, всегда воспринимает завершение определенного исторического периода в качестве Конец Света. Обычно в таких случаях провозглашается смерть Бога и Конец истории. Однако Бог умирает далеко не для всех, и история заканчивается лишь для того, впрочем, весьма значительного, большинства, которое навсегда остается в прошлом. «Индустриальный мир распадается. Он исчезает, и никакими силами невозможно продлить его дальнейшее существование. Для нас это, наверное, означает Конец Света. Но для истории это значит, что наступает будущее» [7, с. 162]. Как видим из предложенного в основном статистического материала, на сегодняшний день есть достаточно признаков, ставящих под угрозу существование современной цивилизации. Однако, при всех угрожающих прогнозах, мы можем констатировать исторически проверенный факт, гибель цивилизации не является исторической закономерностью.

Вероятно, прав наш современник – ученый Д. Даймонд, который с осторожным оптимизмом утверждает: «Наша эпоха обладает несомненным преимуществом перед всеми предшествующими – мы уже достаточно хорошо понимаем свои проблемы и располагаем технологиями, которые в принципе позволяют их решить» [16, с. 178]. На наш взгляд, при объединении усилий можно спасти современную глобальную цивилизацию от тотального краха.

Таким образом, можно констатировать, что культура и цивилизация находятся в очень тесной взаимозависимости, по сути, культура есть основа цивилизационной конструкции, от динамики и состояния которой напрямую зависит жизнестойкость цивилизации. В своих работах, рассмотренные в статье исследователи, по-разному описывают само содержание кризиса культуры, общей же в их работах является убежденность в том, что если в культурной сфере будут и дальше происходить застой и деградация, то современным цивилизациям, как и древним, угрожает коллапс.

Список литературы

1. Гуревич П. С. Культурология. Элементарный курс : учеб. пос. / П. С. Гуревич. – М. : Гардарики, 2001. – 336 с.
2. Дудник С. И. Парадигмы исторического мышления XX в.: очерки по современной философии культуры / С. И. Дудник. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 79–84.
3. Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров / В. А. Кутырев. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 240 с.
4. Моисеев Н. Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI в. / Н. Н. Моисеев // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 6. – С. 131–139.

5. Нордау М. Вырождение / М. Нордау. – М. : Республика, 1995. – 389 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет ; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М. : Весь Мир, 1997. – 704 с.
7. Переслегин С. Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске / С. Б. Переслегин. – М. : АСТ, 2006. – 624 с.
8. Тойнби А. Дж. Постигание истории : сб. : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1991. – 347 с.
9. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Прогресс, 1996. – 478 с.
10. Тоффлер А. Футурошок / А. Тоффлер. – СПб. : Лань, 1997. – 398 с.
11. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.
12. Федотов Г. П. Завтрашний день (письма о русской культуре) / Г. П. Федотов // Культурология. – 1997. – № 2–3. – С. 67–90.
13. Федотов Г. П. Судьба и грехи России / Г. П. Федотов. – СПб. : София, 1991. – Т. 1. – С. 173–184.
14. Франк С. Л. Крушение кумиров / С. Л. Франк // Сочинения. – М., 1990. – 239 с.
15. Хоруженко К. М. Культурология : энциклопедический словарь / К. М. Хоруженко. – Ростов н/Д. : Владос, 2003. – 640 с.
16. Jared D. Collapse How Societies Choose to Fail or Succeed / D. Jared. – California, 2005. – P. 359.

КОНЦЕПЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ ИГР (ОДИ) И МЕТОДОЛОГИЯ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Б.М. Бекмухамедов
(Казахстан, Алматы)

В статье предпринята попытка анализа понятия «развитие» в контексте методологии организационно-деятельностных игр (ОДИ). В связи с понятием развитие рассматривается концепция Московского методологического кружка. Определены важность интеллектуальных, сенсорно-перцептивных и чувственно-эмоциональных компонентов познания в процессе музыкально-творческой деятельности будущего учителя-музыканта.

The article takes efforts to analyze the "Development" concept in the context of methodology of organizational-engagement games (OEG). Conception of Moscow Methodology Society is considered on the view of the "Development" term. Intellectual, sensory-perceptual components of cognition have been determined relevant in the process of musical-creative activity of the future musician-teacher.

Ключевые слова: развитие, организационно-деятельностные игры (ОДИ), концепция, методология.

Key words: development, organizational-engagement games (OEG), conception, methodology.

В числе актуальных проблем современной системы музыкально-педагогического образования следует выделить проблему *развития*, которая играет весьма существенную роль в реализации творчества. С одной стороны, мы можем утверждать, что развитие является необходимым и условием, и результатом творчества, а, с другой, – что творчество неминуемо приводит личности к развитию. Казалось бы эти положения аксиоматичные, но они далеко не тождественные. Сочетание понятий «творчество» и «развитие», т.е. «творческое развитие», может быть некорректным, поскольку если мы говорим о творческом развитии, то можно также подразумевать и «нетворческое развитие».

На самом деле, «развитие» вне творческого компонента в его составе теоретически может также иметь место быть. Обычно под развитием понимают направленные, закономерные изменения материальных или идеальных объектов или явлений под воздействием тех или иных факторов, приводящие к качественно-количественному росту целостной структуры или ее компонентов. С одной стороны, развитие как универсальный принцип позволяет объяснить всеобщие закономерности и тенденции существования всего живого в его эволюционном становлении, с другой, – проследить и зафиксировать изменения в истории природы, общественного устройства и процес-